

Л. П. Дронова, Яньчунь Лю

Томский государственный университет

**Мотивационно-генетическая характеристика
лексико-семантического поля «Вред»
в русском литературном языке**

Рассматриваются мотивационно-генетические отношения единиц лексико-семантического поля «Вред» в русском литературном языке, позволяющие проследить формирование понятийной структуры отрицательной утилитарной оценки. Как выяснилось, большая часть единиц поля имеет однозначно устанавливаемые мотивационные отношения, но для единиц центра поля потребовался историко-этимологический анализ, который все же не определил однозначно мотивировочный признак для них вследствие исторической глубины их образования, сложности развития (*вред / веред*), разрушенности словообразовательно-этимологического гнезда (*портить, пакость*). Выявленные мотивационные отношения и представленные ими мотивационные модели показали, что понятийная структура отрицательной утилитарной оценки формировалась в результате исторического взаимодействия понятий «разрушающий (неблагоприятный для здоровья)», «негодный» (в значениях «испорченный» или «сделанный наоборот, вопреки»), «неполноценный (уменьшенный / увеличенный, растраченный)».

Ключевые слова: русский язык, историческая лексикология, мотивационно-генетические отношения, мотивационная модель.

Мотивационно-генетическая характеристика лексики, объединенной общим понятийным содержанием, дает представление о структурировании исследуемого понятия в сознании носителей языка и динамике его формирования. Когнитивная ориентированность изучения мотивационно-генетических характеристик всех лексических единиц поля, позволяющая увидеть исторические изменения в номинационной структуре определенного фрагмента языковой картины мира и интер-

Дронова Любовь Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Томского государственного университета (просп. Ленина, 36, Томск, 634004, Россия; lpdronova@mail.ru)

Лю Яньчунь – аспирантка филологического факультета Томского государственного университета (просп. Ленина, 36, Томск, 634004, Россия; liuyanchun@mail.ru)

претировать их с точки зрения этапов формирования определенного понятия, определяет актуальность такого рода исследования.

В настоящей статье предпринята попытка исследования мотивационно-генетической характеристики лексико-семантического поля (ЛСП) «Вред» на материале русского литературного языка. Данное ЛСП представляет в языке значимый фрагмент языковой картины мира – отрицательную утилитарную оценку. Утилитарная оценка является частной оценкой, частнооценочная лексика дает оценку одному из аспектов объекта с определенной точки зрения [Арутюнова, 1988, с. 75]. Характерной чертой такой лексики является совмещение оценочного (субъективного) значения со значением объективного (дескриптивного) признака. Определение дескриптивного компонента значения в утилитарной оценке как рационалистической оценке, непосредственно связанной с практической деятельностью человека, позволяет выявить аксиологические установки относительно вреда и вредного в человеческом сообществе. В свою очередь генетическая характеристика лексики поля дает возможность определить глубину формирования исследуемого понятия.

На шкале утилитарной оценки полюсами являются понятия «полезный» – «вредный», промежуточное положение занимают понятия «бесполезный» и «безвредный». Это смежные, но разные понятия, в соответствии с нашей задачей мы привлекаем для анализа только лексику, выражающую понятие «вред / вредное», и не включаем лексику, выражающую отрицательную утилитарную оценку (*ненужный, бесполезный, неподходящий, напрасный, лишний, излишний, никчемный, безуспешный, тщетный, безрезультатный, бесплодный, зряшний* [Лифшиц, 2001, с. 37]), прямо с понятием «вред» не связанную или соотносящуюся с этим понятием только в переносном значении. За последние десятилетия проблеме понятия «вред» посвящено несколько кандидатских диссертаций: И. В. Хорошуновой «Семантические процессы в лексико-семантическом поле: на материале лексико-семантического поля утилитарной оценки “Полезь / Вред”» (2002), Г. О. Азылбековой «Семантико-прагматические особенности утилитарной оценки: на материале русского и немецкого языков» (2011), Е. А. Савельевой «Концептуализация утилитарных оценок “полезный / вредный” в русском языке» (2014). Наше исследование отличается от этих работ прежде всего аспектом анализа и следующими из этого аспекта ограничениями на материал анализа.

Максимально полно понятие «вред» как признак представляет прилагательное *вредный*, как субстанцию – существительное *вред*, процесс, действие – *вредить*. Анализ определений этих лексем в толковых словарях [Ушаков, 2000; МАС; БАС] позволяет сделать вывод, что понятие «вред» имеет непростую структуру и что можно выделить следующие его понятийные признаки (компоненты):

1) нечто, приносящее вред, ущерб для жизни человека (в целом),

2) нечто, отрицательно влияющее на физическое, психическое и моральное здоровье,

3) нечто, приносящее вред, ущерб материальному состоянию человека.

Структура понятия выражается разными по объему семантики лексемами, поэтому одна и та же лексема может выражать разные аспекты понятия в зависимости от зоны референции, что проявляется в конкретной сочетаемости лексем в контекстах.

В лексической системе языка нет четких, однозначно выделяемых границ между отдельными лексико-семантическими полями. Непросто определяются и границы ЛСП «Вред». С точки зрения градуального представления признака вредности крайней точкой, периферией поля, с одной стороны, будет лексема *опасный* ‘способный причинить большое зло, несчастье, нанести какой-л. ущерб, урон’, ‘способный причинить вред кому-л., доставить неприятности’ как обозначающая потенциально нечто весьма вредное, с другой стороны, лексемы *губительный, гибельный, пагубный, погубительный* как обозначающие предел вредного,

предел, за которым вред уступает место иному признаку, состоянию объекта (гибель, уничтожение, разрушение).

Как было сказано выше, в ядро ЛСП входят лексемы *вредный* 'причиняющий, способный причинить вред', *вред* 'порча, ущерб', *вредить* 'причинять вред, наносить ущерб кому-л., чему-л.'. Ближайшими по значению к *вредный* являются прилагательные *нездоровый* (воздух, климат; пища; увлечение) и *вредоносный* 'несущий в себе вред, крайне вредный' (вещества, растения) [Словарь синонимов..., 1970, т. 1, с. 174], эти лексемы, совпадая в понятийной части с ядерными, отличаются от них ограниченной сочетаемостью. Если отталкиваться от определения антонима *польза*, то *вред, вредный* можно объяснить через общую часть их семантики: 'не-благоприятные последствия для кого-л., чего-л.; не-хороший результат'; 'неблагоприятный (в разной степени)'. Лексемы *вред* и *вредить* объясняются в толковых словарях через близкие по значению слова *порча, ущерб* [МАС, т. 1, с. 226].

Порча обозначает действие и состояние по глаголу *портить(ся)* 'приводить в негодность; причинять вред, приводить в болезненное состояние', 'делать плохим' и устар. 'заболевание, вызванное, по суеверным представлениям, колдовством, наговором' [МАС, т. 3, с. 306, 309; Ушаков, 2000, т. 3, с. 610, 616], и его можно сравнить с разговорным словом *сглаз* 'порча', которое также выражает действие по глаголу *сглазить* 'по суеверным представлениям: принести несчастье, болезнь, повредить кому-л. «дурным глазом»' и разг. 'повредить кому-л. похвалами, помешать успеху чего-л., заранее предсказывая его' [МАС, т. 4, с. 61; Ушаков, 2000, т. 4, с. 113]. В словаре синонимов отмечается, что глагол *портить* является основным средством для выражения общего значения 'причинять повреждения, вред чему-л., приводить что-л. в негодность', в то время как его синонимы употребляются с усилительным значением и обозначают конкретный вид деструктивного действия: они указывают на приведение чего-л. в полную негодность, на очень значительное повреждение (*уродовать, калечить, увечить*), на нарушение обычной, нормальной формы, вида чего-л. (*коверкать*) [Словарь синонимов..., 1971, т. 2, с. 197]. Семантическая структура и парадигматические отношения слов *портить, порча* свидетельствуют, что значение 'вред / вредить' мотивировано значением 'приводить в негодность'. Близость этих значений не случайна: они оба представляют более общую («родовую») семантику деструкции. В языке много лексики с семантикой деструкции (*ломать – разломать – разлом, резать – порезать – порез, перевернуть – переворот* и др.), но семантика их связана с обозначением какого-то конкретного варианта деструктивного действия и его последствия. В отличие от этой лексики лексемы *портить, порча* способны обозначать более широкий спектр деструкции, а *вредить, вред* – универсальны в этом отношении, входят в ядерную часть ЛСП «Вред» и утилитарной оценки «польза – вред». То есть у *вред, вредить* шире круг сочетаемости: *вредит, портит* кто-л., что-л., но *вредит* кому-л., чему-л., *портит* кому-л. [Учебный словарь сочетаемости..., 1978, с. 79, 412].

Слово *ущерб* 'потери, причиненные кому-, чему-л.; урон' [МАС, т. 4, с. 546; Ушаков, 2000, т. 4, с. 1046] имеет более узкую зону референции по сравнению с лексемой *порча*: *ущерб* и близкое по значению слово *урон* обозначают вред, причиненный кому-, чему-л., потери вследствие неправильного, неумелого ведения дела, хозяйства и т. д. или в результате войны, стихийного бедствия и т. д.; слово *урон* часто употребляется по отношению к потерям людей, материальных ценностей в бою, сражении. В синонимический ряд с вышеназванными лексемами входят слова, обозначающие только материальные потери [Словарь синонимов..., 1971, т. 2, с. 580]: *убыток* 'материальный ущерб, потеря', *изъян* (устар.) 'убыток, ущерб' (*Уж достался мне этот обед: что хлопот, что изъяну!*) [МАС, т. 4, с. 447; т. 1, с. 657; Ушаков, 2000, т. 4, с. 864; т. 1, с. 1185]. *Убыток* обозначает и устар. *наклад* (*А и поколотит – не велик наклад – Милого побои недолго болят!*),

прост. *накладно* 'убыточно, невыгодно' [МАС, т. 2, с. 360]. Мотивировочный признак виден из сопоставления с семантикой производящей лексемы: *накладывать* (*накладать*, несов. к *наложить*) 'положить сверху, поверх чего-л.', по отношению к производственной и торговой сфере *наклад* – это 'то, что накладывается выше прежней цены, договоренности, обязательств' → 'ущерб, убыток' (ср. у Даля *накладъ* 'все, что налагает плату или денежный внос, и сама сумма эта', 'убыток, ущерб, утрата, потеря, особенно в торговле' [Даль, 1994, т. 2, с. 1102]).

Кроме того, для обозначения вреда употребляются стилистически ограниченные лексемы: прост. *шкодливый* 'приносящий вред, убыток'; *школа* 'убыток, изъян, вред, порча'; 'шалость, озорства, проделка'; 'легкомысленный поступок'; *шкодить* 'делать, устраивать шкоду' [МАС, т. 4, с. 721; Ушаков, 2000, т. 4, с. 1350] и разг. *пакостить* 'делать пакости, вредить'; *пакость* 'нечто мерзкое, отвратительное; гадость' и 'гадкий, скверный поступок, совершаемый с целью повредить кому-л.', *пакостник* 'тот, кто делает пакости, вредит кому-л.' [МАС, т. 3, с. 11, 12; Ушаков, 2000, т. 3, с. 19].

Мотивационно-генетическая характеристика ЛСП «Вред» предполагает выделение мотивационных моделей (схем) номинации в этом поле. Мотивационная модель определяется тогда, когда ясен семантический деривационный признак. Все реалии, поименованные с помощью одного и того же знака, в сознании носителя языка оказываются семантически связанными, между ними устанавливается некоторое содержательное сходство по тому или иному признаку (свойству, функции) [Голстая, 2002, с. 118]. В процессе образования единицы могут участвовать несколько мотивировочных признаков (полимотивация) [Блинова, 2007, с. 225].

Основываясь на проведенном анализе семантической структуры лексем, выражающих понятие «вред» и являющихся производными по своему характеру, можем определить семантический деривационный признак. Семантический деривационный признак – мотивировочный признак – объясняет значение производного слова через внутреннюю форму, связанную определенным образом с семантикой производящей лексемы. Лексемы, имеющие однотипный мотивировочный признак, образуют мотивационную модель (схему). Под моделью мы, вслед за Ю. С. Степановым, понимаем обнаружение сходства в динамике преобразования языковых (в данном случае – семантических) структур [Степанов, 2002, с. 106–108].

Более надежное представление этноса о мире дает «ближняя» мотивация, реализованная в последнем словообразовательном акте, создавшем слово, или в развитии нового значения в многозначном слове [Варбот, 2003, с. 126–128; 2008, с. 147–151; Мельникова, 2011, с. 7]. Важность разграничения «ближней» и «дальней» мотивации можно пояснить на примере со словом *нездоровый* 'вредный (о воздухе, климате)', 'причиняющий вред, вредный в моральном или общественном отношении', для которого «ближняя» мотивация связана со значением производящей лексемы *здоровый*, в то время как «дальней» мотивацией будет значение, реконструируемое *'крепкий, как дерево' (или *'хорошо-крепкий') [Черных, 1994, т. 1, с. 321–322; Ушаков, 2000, т. 2, с. 508]. Фактически разграничение «ближней» и «дальней» мотивации на уровне языка – это разграничение исходного и производного понятий.

В нашем исследовании ЛСП «Вред» часть лексем являются производными и имеют прозрачную внутреннюю форму, ясный мотивировочный признак. Это синонимы к ядерной единице поля – к слову *вред*, они называют отдельные аспекты понятия «вред», структурируют понятие (*ущерб, урон, убыток, изъян, наклад, нездоровый, сглаз, порча, школа, пакость*). Среди синонимов к слову *вред* / *вредить* есть и, так сказать, исторические «межъязыковые синонимы», заимствованные из других языков – *школа* / *шкодить* и *изъян*.

Просторечное *школа* ‘вред, ущерб’, как и устар. *школа* (откуда диал. *(при)шкóтить* ‘вредить’, *пошкóтилось* ‘испортилось’), – заимствование в русском через западнославянские языки (ср. польск. *szkoda*, чеш., словац. *škoda* ‘убыток, ущерб, вред’, чеш. *škoda* ‘жаль, жалко’, *škoditi* ‘вредить (здоровью)’, *škodlivý* ‘вредный, опасный для здоровья, пагубный’) из др.-в.-нем. *scado* (нем. *Schade(n)* ‘вред, ущерб, убыток’). В древнерусском, староукраинском, старобелорусском эта лексема особенно частотна в XV–XVI вв. [Фасмер, 2004, т. 4, с. 449–450; Machek, 1957, s. 502; ČRS, s. 824]. Это заимствование потеснило в западнославянских языках производные от слав. **verdъ*. В Даль отмечает активное употребление слов *школа*, *школа* и *шкодитъ* ‘вредить, портить’, ‘шалить, дурить, баловать, причиняя вред, порчу’ в юго-западных диалектах, где употребительно и наречие *школа* ‘жаль, досадно’ [Даль, 1994, т. 4, с. 1448]. То есть слово *школа* совпадает по значению со словом *вред*, отличаясь от него по территориальным и стилистическим ограничениям.

Слово *изъян* ‘недостаток, дефект; повреждение, порча’ (устар. ‘убыток, ущерб’, *изъяниться* ‘входить в убытки’) выступает как синоним к словам *ущерб*, *урон* и воспринимается носителями русского языка как производное от глагола *изъять* ‘удалить, устранить’. На самом деле слово *изъян* известно с XVIII в. и является заимствованием, пришедшим через тюркские языки (ср. турец. *ziyan*, азерб. *ziyan* ‘вред; убыток’) из персидского (перс. *ziyan* ‘ущерб, убыток’) [Черных, 1994, т. 1, с. 341]. Претерпев фонетические и структурные изменения, это слово сохранило значение языка-источника и представляет своего рода исторический «межъязыковой синоним», подобно слову *школа*.

«Пограничными» для ЛСП «Вред» мы считаем лексемы *опасный*, *гибельный*, *губительный*, *пагубный*. *Опасный* ‘способный причинить вред, вызвать несчастье’ соотносится в современном русском языке с глаголом *опасаться* ‘испытывать чувство страха, бояться’, ‘остерегаться чего-л., кого-л.’ (ср. др.-рус. *опаси* ‘спасти, обезопасить’), то есть мотивировочный признак для *опасный* – ‘такой, которого следует остерегаться, бояться’. Семантика лексем *губительный*, *пагубный*, *гибельный* мотивирована значением производящих (однокорневых) слов *губить* ‘уничтожать, истреблять; портить, делать негодным’ и *гибель* ‘полное разрушение, прекращение существования’ [МАС, т. 1, с. 307, 355].

Центральная лексема поля – *вред*, как и семантически близкое *порча*, *портить* ‘приводить в негодное состояние’, очевидно, в силу исторической глубины формирования не имеют однозначно определяемого мотивировочного признака. Сюда же следует добавить и разг. *накость*, *накостить*. Для разбора этих лексем необходим историко-этимологический анализ.

Мы уже обращались к выяснению мотивационно-генетических связей слова *вред* [Дронова, Лю, 2016]. Поскольку лексема *вред* является ядерной в рассматриваемом лексико-семантическом поле, необходимо кратко изложить, в чем состоит проблемность определения мотивационно-генетических связей этой лексемы, с тем чтобы выйти на мотивационную характеристику всего ЛСП. Распространенное в русском языке слово *вред* ‘порча, ущерб’ (в физическом и морально-оценочном смысле) является старославянизмом по происхождению, собственно русская полногласная форма *в́еред* функционально ограничена (устар., прост.) и отличается конкретностью значения – ‘гнойный нарыв, чирей’ [МАС, т. 1, с. 150, 226]. Подобная картина формального и семантического варьирования полногласных и неполногласных форм наблюдается и в диалектах русского языка (ср. *вредá* ‘вред, порча, ущерб, убыток’ (арх., волог., новг., пск., костр., смол., твер., перм., калуж., ряз. и др.), *вредítь* ‘причинять увечье, ранить; беречь рана’, *в́еред* ‘нарыв, гнойник, фурункул’ (пск., новг., волог., яросл., твер., ряз., тул., моск., калуж., орл., ворон.), ‘большой чирей и вообще рана’, ‘струн’, ‘болезнь, вызванная поднятием большой тяжести’ (пск., твер.) [СРНГ, с. 127–129]. Нет семантической дифференциации *вред* / *в́еред* в древнерусских текстах: *вредь* ‘на-

рыв, язва' (XII в.), 'болезнь (чаще с кожными симптомами, с изъязвлением, струпьями)' (1386 г.), 'ущерб, убыток, вред' (1076 г.); *вередь* 'ущерб, убыток, вред' (1076 г.), 'болезнь (чаще с кожными симптомами, с изъязвлениями)'; *вредный* 'больной, искалеченный, поврежденный', 'причиняющий вред' [СРЯ, 1976, вып. 3, с. 103–105; 1975, вып. 2, с. 84–85].

Большинство авторов этимологических словарей считают старшим значение 'нарыв, чирей, язва' для праслав. **verdъ* и сопоставляют как с генетически близкой лексикой с др.-инд. *várdhati* 'растет' либо с лат. *varus* 'прыщи (на лице)', др.-в.-нем. *warza*, нем. *Warze*, др.-исл. *varta* 'бородавка' (**uordā*) и нем. *Werre* 'ячмень на глазу', лат. *verruca* 'бородавка', 'бугорок', 'возвышенность вообще' [Фасмер, 2004, т. 1, с. 295; Черных, 1994, т. 1, с. 170; БЕР, с. 184; Pokorný, 1959, S. 1151]. В этом случае первичный семантический признак, положенный в основу названия, – 'нарост (типа бородавки)' или 'выступ, возвышение'. Но это обозначения наростов (выростов) типа бородавки, желвака, шишки, наличие которых не сопровождаются болезненными воспалительными (гнойными) процессами. И этот мотивировочный признак не объясняет широкий круг значений лексем, родственных рус. *вред* / *веред*, в других славянских языках: 'повреждать', 'ранить', 'ушибать', 'бередить рану или больное место (трогая их)' и под. [Петлева, 1974, с. 93, 97]. Поэтому мы считаем более аргументированной точку зрения тех этимологов, которые полагают, что семантическое развитие шло от 'ранить, повреждать, изъязвлять' – 'язва' → 'нарыв (веред)' [Петлева, 1974, с. 93, 97; Skok, 1973, s. 625–626; Pokorný, 1959, с. 1163]. Правда, Ю. Покорный в своем индоевропейском этимологическом словаре относит производные слав. **verdъ* в два разных этимологических гнезда: слав. **verdъ* 'вред, ущерб, повреждение, Schaden', 'нарыв, язва, Geschwür' определено как производное и.-е. **uer-d-* 'приподнятое место (на местности или на коже)', а слав. **verdъ* 'рана' как производное и.-е. **uer-d-* 'разрывать, царапать' [Pokorný, 1959, с. 1151, 1163]. Почему-то не учитывается близость значений 'рана' и 'нарыв', 'язва', ведь это все обозначения повреждения, изъязвления кожи, нарушение ее целостности.

Вероятно, для рус. *вред* / *вѣред* (слав. **verdъ*) в значении 'порча, ущерб' как основного средства выражения отрицательной утилитарной оценки (антоним *польза*) можно предположить мотивировочный признак 'нарушение целостности (исходного состояния) субъекта / объекта'. Этот мотивировочный признак объясняет и обозначения способов / причин нарушения целостности (исходного состояния) субъекта / объекта (*ранить* / *порезать* / *уколоть*, *ушибить*; *сглазить*; *болезнь*, *порча*) и ее результата (*рана*, *язва*, *веред* / *нарыв* / *чирей*). Подобный мотивировочный признак имеет слово *нарыв*, производное от *рвать* 'разрывать, нарушать целостность, повреждать'.

Языковые факты позволяют такой же мотивировочный признак – 'нарушение целостности (исходного состояния) субъекта / объекта' – определить для лексем *портить* 'приводить в негодность', 'делать плохим', 'вредить'; *порча* 'действие и состояние по глаголу *портить(ся)*', устар. 'заболевание, вызванное, по суеверным представлениям, колдовством, наговором' (слова, функционально-семантически наиболее близкие лексемам *вред*, *вредить*): ср. др.-рус. *пъртити* 'тратить'; *запъртити*, *испъртити* 'расточить; истратить'; генетически близкие слова – *пороть*, *портной* – имеют в основе семантику деструкции (нарушения исходного состояния). Определение мотивировочного признака затрудняет значительная разрушенность этого этимологического гнезда, ср. относимые к однокорневым образованиям ст.-чеш. *zaprtiti* 'испортить', польск. *parcieć* 'портиться, разрушаться (от старости)', 'вянуть (об овощах, фруктах)', укр. *зাপор(о)ток* 'заморыш (о детях)', чеш. *záprtek* 'испорченное яйцо', словац. *záprtok* 'яйцо-болтун', польск. *zapar(s)tek* 'тж' [Черных, 1994, т. 2, с. 59; ЕСУМ, с. 533]. О первичности мотивировочного признака 'негодный; приводить в негодность' может свидетельствовать особенность сочетаемости глагола *портить*: *портить* кому-л. (о человеке),

но *вредить* кому-л., чему-л., то есть исходно *портить*, *порча* определяло, видимо, предметы по негодности для человека, способности принести вред человеку (живому существу).

К истории и происхождению слова *пакость* мы уже обращались в связи с проблемностью мотивационно-генетической характеристики ядерной единицы ЛСП «Вред» [Дронова, Лю, 2016, с. 16]. Поскольку по одной из гипотез для праслав. **verďь* предполагается исходное значение ‘нарост (типа бородавки)’ или ‘выступ, возвышение’ ([Фасмер, 2004; Pokorný, 1959; и др.] см. об этом выше), то как возможную семантическую параллель мы рассматривали аналогичную версию для *пакость* ‘костный нарост’. Но уже после первой статьи появилась возможность дать более полную картину по этому вопросу в связи с выходом очередного выпуска этимологического словаря славянских языков и знакомством с работой Р. М. Цейтлин [1954]. Более полный материал позволяет также скорректировать наши выводы.

Для слова *пакость* (*пакостить*) факты внутреннего сравнения (др.-рус. *пакостити* ‘причинять вред, зло; наносить обиду’, ‘мешать, препятствовать’; *пакостный* ‘вредный, губительный; вредящий, препятствующий чему-л.’; ст.-слав., др.-рус. *паки* (*пакы*, *пакъ*) ‘обратно’, ‘назад’, ‘наоборот’, ‘напротив’, ‘опять, вновь’; *опако* ‘назад; задом наперед’; укр. *обак* ‘назад, навыворот’, с.-хорв. *пакостити* ‘делать пакости, гадости; делать что-л. назло; вредить, портить’) и внешнего сравнения (др.-инд. *ápākas* ‘в стороне, позади’; др.-в.-нем. *abuh* ‘обращенный в другую сторону; обратный; враждебный’; арм. *haka-* ‘противо-’) позволяют предположить семантическую модель ‘делать наоборот’ → ‘вредить, пакостить’, поэтому *пакость* *‘сделанное наоборот; вредное’ или, по Фасмеру, ‘превратность’ (ср. др.-рус. *пакостник* ‘тот, кто причиняет зло, вред; мучитель’, ‘тот, кто действует против кого-л., чего-л., противник’) [Фасмер, 2004, т. 3, с. 142, 188–189; Черных, 1994, т. 1, с. 615–616; СРЯ, 1988, вып. 14, с. 128–129]. Эта версия происхождения слова *пакость* была поддержана и определена как «наиболее убедительная» в этимологическом словаре славянских языков [ЭССЯ, с. 229].

Можно добавить, что эта модель актуализируется и внутренними формами прилагательных *противный* и *отвратительный* (еще в XVII в. *противити* значило только ‘быть отвратительным, отвращать от себя’, а *отвратный* ‘повернутый в сторону’, ‘содержащий отступничество’).

В историко-этимологическом словаре П. Я. Черных более предпочтительным же считается другое предположение: «лучше производить праслав. **pakostь* от праслав. **kostь*, с приставкой *ра-* (ср. *назуба*, *память*) и старшим значением можно считать что-нибудь вроде ‘костный нарост’, откуда позже ‘болезнь’ (подагрическая?), отсюда далее – ‘вред, несчастье, зло’», ср. в.-луж. *pakósć* ‘костный нарост’, чеш. *pakostnice* ‘подагра’, польск. *pakość* ‘злоба’ [Черных, 1994, т. 1, с. 616]. Эта версия опровергается в Этимологическом словаре славянских языков, где представлены как омонимы **pakostь* I (производное с суф. *-ostь* от **pak*; см. выше) и **pakostь* II (производное с преф. *ра-* от **kostь*, ср. *наголенок*, *партубок*) [ЭССЯ, с. 229, 232].

Р. М. Цейтлин специально занималась вопросом о значениях приименной приставки *на-* в славянских языках и пришла к выводу, что *на-* как словообразовательный элемент восходит к глубокой древности, вероятно к балто-славянской эпохе, входит в основной славянский словообразовательный фонд, однако в современных славянских языках непродуктивна, семантика ее стерта и размыта временем. Слово *пакость* она включает в ту группу производных с приставкой *на-*, в которой семантика приставки определяется как отрицание, отрицание значения, выраженного корнем того же слова; и словам этой группы в целом присущ оттенок осуждения, неодобрения, презрения, иногда такие слова относятся к бранным. Развитие абстрактного значения у слова *пакость* предполагается

из конкретного 'нарост на кости', 'болезненный, ненормальный нарост' [Цейтлин, 1954, с. 205–224].

Приставку *па-* с тем же значением Р. М. Цейтлин выделяет и в слове *паксуда*, в слове по семантике неодобрения, презрения близком слову *пакость*, ср. *паксудить* 'делать негодным, скверным; портить' (*Нет уж, Петр Степаныч, пожалуйста, не паксудь ухи [руками]*. Мельников-Печерский). В таком значении глагол дается в контекстах из произведений XIX в., в современном русском употребительно значение 'гадить, пачкать', подобно груб., прост. *паксудничать* 'делать мерзости, гадости' [МАС, т. 3, с. 28]. Однокорневые образования известны в некоторых славянских языках: укр. *пáксуд, паксúда, блр. пóксудзь* 'пакостник, подлец'; блр. *паксúдства*, польск. *paskudztwo* 'пакость'; чеш. *paskuda* 'škoda, пакость' [Фасмер, 2004, т. 3, с. 212; Черных, 1994, т. 1, с. 615; Machek, 1957, s. 355]). Привлечение исторических данных (др.-рус. *паксудьнь* 'бедный, скудный', *паксудовати* 'испытывать недостаток' (XII в.), *паксуду* 'в небольшом количестве, мало, скудно' (XV в.) [Фасмер, 2004, т. 3, с. 212; СРЯ, 1991, вып. 17, с. 171] показывает, что приставка *па-*, как в случае с *пакость*, привносит отрицательную оценку в семантику корневой морфемы *скуд-*, то есть отрицательно, презрительно оценивается малое количество, создающее неполноценность, негодность субъекта / объекта.

Склоняясь к первой гипотезе относительно мотивировочного признака праслав. **pakostь* ('делать наоборот' → 'вредить, пакостить'), мы не имеем оснований совсем не учитывать вторую гипотезу и представляем ее вывод среди других путей номинации в ЛСП «Вред».

Таким образом, определив границы семантического поля «Вред» и рассмотрев представляющие его лексемы с точки зрения их семантических отношений и мотивационного признака, мы можем выделить следующие модели номинации («звездочка» обозначает реконструированное значение).

I. Вред, вредный ← неполноценный, растрченный, уменьшенный / увеличенный:

убыток ← *убыть, убывать* 'сделать меньше, неполноценным',

урон ← *уронить* 'сделать ниже, меньше',

ущерб ← *ущербить* 'нанести урон, убыток; сделать неполноценным' ← **щербить*, ср. *щербина* 'зазубрина, выемка, неровность в виде маленького углубления', 'отверстие на месте выпавшего или сломанного зуба', 'небольшое углубление на коже человека',

изъян ← *изъять* 'устранить (из употребления, из обращения), отобрать; утратить',

паксуда, паксудить ← **'быть или делать излишне малым, скудным, неполноценным, негодным'*,

наклад (устар.) ← *накладывать* 'положить сверху, поверх чего-л.', 'то, что накладывается выше прежней цены, договоренности, обязательств' → 'ущерб, убыток',

вред/веред ← **'нарост типа бородавки, желвака, шишки'*,

пакость, пакостить ← **'болезненный, ненормальный нарост'*.

II. Вред, вредный ← разрушающий, неблагоприятный для здоровья:

вредный ← *нездоровый* 'не-полезный для здоровья',

вред, веред, вредоносный ← **'разрушающий целостность (исходное состояние) субъекта / объекта (ранящий / раненный, поражающий / пораженный болезнью с последствиями воспалительно-гнойного характера на коже → нарыв, чирей, язва)'*.

III(a). Вред, вредный ← негодный, испорченный; приводить в негодное состояние:

портить, порча ← **'нарушать целостность (исходное состояние) субъекта / объекта (приводить в негодное состояние)'*,

шкодить, шкода ← *‘нарушать целостность (исходное состояние) субъекта / объекта (приводить в негодное состояние)’,

сглазить, сглаз ← *‘нарушать целостность (исходное состояние) субъекта / объекта (приводить в негодное состояние)’.

III(б). **Вред, вредить** ← **делать наоборот, вопреки; приводить в негодное состояние:**

накость, накостить ← *‘делать / сделанное наоборот, вопреки; приводить в негодное состояние’.

Выявленные мотивационные отношения и представляемые ими мотивационные модели показали, что понятийная структура отрицательной утилитарной оценки формировалась в результате исторического взаимодействия понятий «разрушающий (неблагоприятный для здоровья)», «негодный» (в значениях «испорченный» или «сделанный наоборот, вопреки»), «неполноценный (уменьшенный / увеличенный, растроченный)».

Полагаем, что оценить степень вероятности и актуальность моделей номинации в русском литературном языке поможет в дальнейшем обращение к диалектному материалу (значительно большему по объему, судя по нашей выборке).

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988. 341 с.

БАС – Большой академический словарь русского языка: В 23 т. Т. 3 / Под ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2005, 664 с.

Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 390 с.

Варбот Ж. Ж. Диахронический аспект проблемы языковой картины мира // Варбот Ж. Ж. Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб.: Нестор-История, 2003. С. 123–129.

Варбот Ж. Ж. Этимологические гнезда и лексико-семантические поля в диахронии и синхронии // Варбот Ж. Ж. Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб.: Нестор-История, 2008. С. 145–153.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 3-е изд., испр. и доп. / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Прогресс: Универс, 1994. (Репр. воспр. изд. 1909 г.).

Дронова Л. П., Лю Яньчунь. Что такое вред? (Мотивационно-генетические связи рус. «вред») // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. № 412. С. 14–19.

Лифшиц Г. М. Виды многозначности в современном русском языке: На материале оценочных имен прилагательных. М.: Макс Пресс, 2001. 200 с.

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981–1999.

Мельникова С. А. Мотивационная и генетическая характеристика лексико-семантического поля «Сила, здоровье / слабость, болезнь»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 26 с.

Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. I // Этимология 1972. М.: Наука, 1974. С. 81–99.

Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1970–1971.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 4 (В – военки). Л.: Наука, 1969. 355 с.

СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2 (В – волога) / Гл. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1975. 323 с.; Вып. 3 (Володень – вящшина) / Гл. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1976. 291 с.; Вып. 14 (Отрава – персо-

- ня) / Гл. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1988. 314 с.; Вып. 17 (Помаранець – потишати) / Гл. ред. Г. А. Богатова. М.: Наука, 1991. 298 с.
- Степанов Ю. С.* Методы и принципы современной лингвистики. 3-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРС, 2002. 312 с.
- Толстая С. М.* Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1. С. 113–127.
- Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. М.: Рус. яз., 1978. 688 с.
- Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 2000.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 2004.
- Цейтлин Р. М.* К вопросу о значениях приименной приставки *ná-* в славянских языках // Учен. зап. ин-та славяноведения. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 9. С. 205–224.
- Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Рус. яз., 1994.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 40: *ǫbogъkъ – *rakъla. М.: Наука, 2016. 236 с.
- БЕР – Български етимологичен речник. Т. 3 / Съст. Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов и др. София: Изд-во на Българската Акад. на науките, 1986. 800 с.
- CRS – Česko-ruský slovník / Pod ved. K. Horálka, B. Ilka, L. Kopeckého. Praha, 1968.
- ЕСУМ – Етимологічний словник української мови: У 7 т. / Гол. ред. О. С. Мельничук. Київ, 2003. Т. 4. 656 с.
- Machek V.* Etymologický slovník jazyka českehoaslovenskeho. Praha: Československé Akad. ved, 1957. 358 s.
- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern: Francke Verl., 1959. 809 S.
- Škok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslavenska Akad. Znanosti i Umjetnosti, 1973. Kn. 3.

Список сокращений

Языки: **азерб.** – азербайджанский; **арм.** – армянский; **блр.** – белорусский; **др.-в.-нем.** – древневерхненемецкий; **др.-инд.** – древнеиндийский; **др.-исл.** – древнеисландский; **др.-рус.** – древнерусский; **и.-е.** – индоевропейский; **лат.** – латинский; **нем.** – немецкий; **перс.** – персидский; **польск.** – польский; **праслав.** – праславянский; **рус.** – русский; **с.-хорв.** – сербо-хорватский; **слав.** – славянский; **словац.** – словацкий; **ст.-слав.** – старославянский; **ст.-чеш.** – старочешский; **турец.** – турецкий; **укр.** – украинский; **чеш.** – чешский.

Диалекты: **арх.** – архангельский; **в.-луж.** – верхнелужицкий; **волог.** – вологодский; **ворон.** – воронежский; **калуж.** – калужский; **костр.** – костромской; **моск.** – московский; **новг.** – новгородский; **орл.** – орловский; **перм.** – пермский; **пск.** – псковский; **ряз.** – рязанский; **смол.** – смоленский; **твер.** – тверской; **тул.** – тульский; **яросл.** – ярославский.

Другие сокращения: **груб.** – грубый; **диал.** – диалектный; **преф.** – префикс; **прост.** – просторечный; **разг.** – разговорный; **суф.** – суффикс; **устар.** – устаревший.

L. P. Dronova¹, Yanchun Liu²

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹lpdronova@mail.ru, ²liuyanchun@mail.ru

**Motivational and genetic characteristics of the lexical-semantic field «Harm»
in the Russian literary language**

This paper is devoted to the study of motivational and genetic characteristics of the lexical-semantic field «Harm» representing a negative utilitarian evaluation in the Russian literary language. In this work, an attempt is made to study the motivational characteristics of the lexical-semantic field «Harm» in the Russian literary language. In the lexical-semantic field «Harm», some lexemes are derived and have a transparent inner form with clear motivational features. These are synonyms to the core of the field – *harm*, they name some aspects of the concept of «harm» that structure the concept (*uscherb*, *uron* «damage», *ubytok* «loss», *iz'yan* «flaw», *naklad* «burden», *nezdoroviy* «unhealthy», *sglaz*, *porcha* «evil eye», *shkoda*, *pakost'* «nasty thing»). Among the synonyms for the word *harm*, there are the borrowings from other languages – *shkoda* / *shkodit'* «nasty thing / to behave badly» and *iz'yan* «flaw». The central lexeme of the field *harm*, as well as the semantically equivalent *porcha*, *portit'* «damage, destroy», or its vernacular variants *pakost'*, *pakostit'* «nasty thing / do nasty things», apparently do not have a clearly identified motivational feature because of the historical depth of the formation. We applied the historical-etymological analysis to these lexemes and identified their motivational genetic characteristics. The result was that for the majority of the units of the field, a clear motivational relationship was established. However, for the units in the center of the field, we have not determined unequivocally the motivational feature due to the historical depth of their formation, the complexity of their development (*vred* / *vered*) and the destruction of the derivational etymological nests (*portit'* «spoil», *pakost'* «nasty thing»). The conceptual structure of negative utilitarian evaluation was formed as a result of historical interaction between the concepts of «destructive (adverse for health)», «unusable (spoiled, done out of spite, contrary)», and «defective (reduced / increased, wasted)».

Keywords: Russian language, historical lexicology, motivational and genetic characterization, motivational model.

DOI 10.17223/18137083/61/19

References

- Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytie. Fakt* [The types of language meanings. Assessment. Event. Fact]. Moscow, 1988, 341 p.
- Blinova O. I. *Motivologiya i ee aspekty* [Motivology and its aspects]. Tomsk, Tomsk State Univ., 2007, 390 p.
- Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: V 2 t.* [Historical and etymological dictionary of modern Russian language: In 2 vols]. Moscow, Russian language, 1994.
- Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: V 4 t. 3-e izd., ispr. i dop.* Pod red. Jan Baudouin de Courtenay [Explanatory dictionary of the great living Russian language: In 4 vols. 3rd ed. Edited by Jan Baudouin de Courtenay]. Moscow, Progress, Univer., 1994.
- Denisova P. N., Morkovkina V. V. *Uchebnyy slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka* [Dictionary of collocations words in Russian language]. Moscow, Russian language, 1978, 688 p.
- Dronova L. P., Liu Yanchun. *Chto takoe vred? (Motivatsionno-geneticheskie svyazi rus. vred)* [What is harm? (Motivational and genetic links of Rus. *vred*)]. *Tomsk State Univ. Journal.* 2016, no. 412, pp. 14–19.
- Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksi-cheskiiy fond. Vyp. 40: *qborъkъ – *pakъla* [The etymological dictionary of the Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund. Iss. 40: *qborъkъ – *pakъla]. Moscow, Nauka, 2016, 236 p.
- Evgen'eva A. P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. 2-e izd.* [Dictionary of the Russian language: In 4 vols. 2nd ed.]. Moscow, Russian language, 1981–1999.
- Evgen'eva A. P. (Ed.). *Slovar' sinonimov russkogo yazyka: V 2 t.* [Synonym dictionary of the Russian language: In 2 vols]. Leningrad, Nauka, 1970–1971.

- Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: V 4 t. Per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva* [Etymological Dictionary of the Russian language: In 4 vols. Transl. from German by Trubachev O. N.]. Moscow, Progress, 2004.
- Gorbachevich K. S., Gerd. A. S. *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka: V 23 t. T. 3* [The great academic dictionary of the Russian language: In 23 vols. Vol. 3]. Moscow, St. Petersburg, Nauka, 2005, 664 p.
- Lifshits G. M. *Vidy mnogoznachnosti v sovremennom russkom yazyke: Na materiale otsenochnykh imen prilagatel'nykh* [The types of ambiguity in the modern Russian language: On the material of evaluative adjectives]. Moscow, MAKS Press, 2001, 200 p.
- Mel'nikova S. A. *Motivatsionnaya i geneticheskaya kharakteristika leksiko-semanticheskogo polya "Sila, zdorov'e/slabost', bolezni"* [Motivational and genetic characterization of the lexical-semantic field "Power, health/weakness, sickness"]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2000, 26 p.
- Petleva I. P. *Etimologicheskie zametki po slavyanskoj leksike. I* [Etymological notes on Slavic vocabulary. I]. In: *Etimology 1972*. Moscow, Nauka, 1974, pp. 81–99.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 2 (V – vologa)* [Dictionary of Russian of the 11th–17th centuries. Iss. 2 (V – vologa)]. S. G. Barkhudarov (Ed.). Moscow, Nauka, 1975, 323 p.; *Vyp. 3 (Voloden'e – vyashch'shina)* [Iss. 3. (Voloden'e – vyashch'shina)]. S. G. Barkhudarov (Ed.). Moscow, Nauka, 1976, 291 p.; *Vyp. 14 (Otrava – personya)* [Iss. 14 (Otrava – personya)] D. N. Shmelev (Ed.). Moscow, Nauka, 1988, 314 p.; *Vyp. 17 (Pomaranets' – potishati)* [Iss. 14 (Pomaranets' – potishati)]. G. A. Bogatova (Ed.). Moscow, Nauka, 1991, 298 p.
- Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 4 (V – voenki)* [Dictionary of Russian folk dialects. Iss. 4 (V – voenki)]. Leningrad, Nauka, 1969, 355 p.
- Stepanov Yu. S. *Metody i printsipy sovremennoy lingvistiki. 3-e izd., stereotip.* [Methods and principles of modern linguistics. 3rd ed. ster.]. Moscow, Editorial URS, 2002, 312 p.
- Tolstaya S. M. *Motivatsionnye semanticheskie modeli i kartina mira* [Motivational semantic model and picture of the world]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language in scientific light]. Moscow, 2002, no. 1, pp. 113–127.
- Tseytlin R. M. *K voprosu o znacheniyakh priimennoy pristavki pá- v slavyanskikh yazykakh* [The question of the meaning of prename prefix pá- in Slavic languages]. In: *Uchenye zapiski instituta slavyanovedeniya. T. 9* [Proceedings of the Institute of Slavic studies. T. 9]. Moscow, AN SSSR, 1954, pp. 205–224.
- Ushakov D. N. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 vols]. Moscow, 2000.
- Varbot Zh. Zh. *Diakhronicheskiy aspekt problemy yazykovoy kartiny mira* [The diachronic aspect of the language world picture]. In: *Issledovaniya po russkoy i slavyanskoy etimologii* [Studies of Russian and Slavic etymology]. Moscow, St. Petersburg, Nestorbook, 2003, pp. 123–129.
- Varbot Zh. Zh. *Etimologicheskie gnezda i leksiko-semanticheskie polya v diakhronii i sinkhronii* [Etymological nests and lexico-semantic field in diachrony and synchrony]. In: *Issledovaniya po russkoy i slavyanskoy etimologii* [Studies of Russian and Slavic etymology]. Moscow, St. Petersburg, Nestorbook, 2008, pp. 145–153.
- Български етимологичен речник. Т. 3. Съст. Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов и др. София: Изд-во на Българската Акад. на науките, 1986, 800 с.*
- Česko-ruský slovník. Pod ved. K. Horálka, B. Ilka, L. Kopeckého. Praha, 1968.*
- Етимологічний словник української мови: У 7 т. / Гол. ред. О. С. Мельничук. Київ, 2003, Т. 4, 656 с.*
- Machek V. *Etymologický slovníkjazyka českehoaslovenskeho. Praha: Českosloven-ské Akad. ved, 1957, 358 p.*
- Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern: Francke Verl., 1959, 809 p.*
- Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslavenska Akad. Znanosti i Umjetnosti, 1973, Kn. 3.*